

УДК 321

ПОЛИТИЧЕСКИЙ НЕОАМПИР: ВЫБОР РОССИИ ИЛИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ САТЕЛЛИТИЗМ. Ч. I

- Доманов Валерий Георгиевич** доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42).
E-mail: doman-off@mail.ru
- Артюхин Олег Александрович** кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70).
E-mail: oart@uriu.ranepa.ru

Аннотация

Империя – это судьба. Рассматривается исторический и политологический дискурс концепта империи. Анализируются различные точки зрения феномена империи. Особое внимание уделено применению принципа редукционизма для описания понятия империи. Целью данной статьи является попытка авторов поделиться с читателем соображениями по поводу темы, являющейся интересной с точки зрения современной геополитической ситуации в мире, а также идеологических споров внутри политического и научного сообщества.

Ключевые слова: *редукционизм, сателлитизм, государство, мода, абсурд.*

Тема «империй» в современной отечественной публицистике и политической науке приобретает смыслы, которые можно определить в следующих контекстах: мода, театр абсурда, реальность. Поэтому не случайно в заглавие выносятся спорное понятие «неоампира». С одной стороны, оно касается интеллектуальной моды, а с другой – текущей политической практики.

В принципе понятие «ампир» вполне корреспондируется и с культурологической, и с политической практиками и технологиями. Мода на **ампир** (фр. Empire – империя) связана с реанимацией имперского стиля в политике и общественной жизни первой трети XIX в. в николаевской России, викторианской Англии и Франции. Это время колониальных войн и максимально лапидарных архитектурных сооружений, реанимация имперского стиля Рима, реабилитации «Гражданского Кодекса» Наполеона I и идей величия государственной власти.

Анализ имперских государственных образований в отечественной литературе не относится к числу актуальных. Отчасти это связано с тем, что до сих пор идеологемы ленинской теории империализма имеют давящий характер, несмотря на качественное изменение современного мира. Кроме того, проще исследовать прошлое имперских государств, типологизировать их, сравнивать, давать определения описательного характера, нежели пытаться определить современное их состояние исходя из того простого и самоочевидного с точки зрения истории факта (известного еще Ш. де Монтескье и Ж. Жерару), что имперские политические образования суть неперенные спутники государств, обладающих в каждое

данное историческое время сравнительно большими населением и территорией по отношению к остальным странам – соседям, кои данными атрибутами не обладают.

Именно поэтому непременно нужно дифференцировать идеологему, концепт и научный дискурс империй, лишенных ценностной окраски в когнитивных пределах «Realpolitik».

Именно просветительской критике деспотизма Ш. де Монтескье и Ж. – Ж. Руссо мы обязаны выяснением объективной заданности существования таких государств. Сразу следует сказать, что в этой парадигме само понятие империи не употреблялось; вместо него использовался концепт «деспотий», известный еще со времен Аристотеля. Однако существенным отличием данной традиции от идеалистически - рациональной критики В. фон Гумбольдта, П. Гольбаха, Д. Дидро и К. А. Гельвеция является факт/попытка объяснения наличия детерминированной подоплеки данных форм правления, систем законодательства, нравов, обычаев и форм хозяйствования народов. Это виделось в природно-географической определенности общественной истории. Монтескье выделял следующие: климат, рельеф местности, плодородие почвы, протяженность территории государства и плотность его населения¹. Поэтому факт существования деспотических государств объективно обусловлен, а не является неким произволом зловредных правителей или происками недоброжелателей из-за рубежа. Страны, имеющие большую территорию и плотность населения, мягкий климат, плодородную почву, пустынный/степной ландшафт местности, «обречены» иметь деспотическую форму/ «образ» правления. Значит, такие государства *ex defnicio* не могут иметь гражданского общества в качестве своей социальной основы.

Руссо в данной идеологизированной традиции пошел дальше. Природно-географическая детерминация задает вектор цивилизационного развития: только страны с малой территорией и небольшой плотностью населения могут в истории рассчитывать на демократическую историческую «судьбу» и гражданское общество² (например, Швейцария). Не случайна поэтому ожесточенная критика Дидро, Руссо и Монтескье «политических порядков» в Московии.

Данная линия идеологизации «больших государств» (через марксизм) удивительным образом перекечевала в условия 30–40-х гг. XX в. А именно: в «построения» классической теории геополитики (Х. Маккиндер с идеей «Хартленда» и К. Хаусхоффер – с «*Lebensraum*»); чуть позже – Р. Челлен и Ф. Ратцель). Из многообразной аргументации, впрочем, следовал единственный вывод: Российская Империя/СССР/Россия – империи, обреченные самим фактом своего существования на деспотическое политическое устройство и отсутствие гражданского общества, что, безусловно, должно представлять опасность для «западной цивилизации». В данном аспекте **vollens-nollens** идеологическими предтечами «советологической» геополитики стали (без их, впрочем, ведома) идеи Монтескье и Руссо³. Однако в данной традиции не остались в стороне и отечественные авторы. Например, у Л.Е. Бляхера читаем: «Потребность во внешней легитимации, *потребность в империи* не дает построиться национальному государству» [1, с. 7]. И далее: «Под империей я понимаю не какую-либо конкретную форму правления, специфику самоопределения политического пространства. Вне зависимости от степени «демократичности» или «тоталитарности» империя есть глобальное пространство («все»), легитимируемое трансценденцией» [1, с. 7].

Действительно, и у Хардт, и Негри [2] «империя» всегда соотносится с неким космическим порядком и в этой связи абсолютна и самодостаточна. Но это верно лишь отчасти: империя как полития, государственное, политическое образование потому и «империя», что

¹ Вполне в рамках «физиократической» парадигмы.

² Впрочем, для него «плебисцитарная демократия» и «гражданское общество» суть синонимические понятия.

³ Робкие оппонирующие диспозиции «евразийства» во внимание западным научным сообществом не принимаются как «ненаучные».

вокруг – *не-империи*. Поэтому в глазах окружающих они онтологичны, а не только аксиологичны. И противопоставление «империи» и «суверенного государства» некорректно¹ хотя бы уже потому, что нет империй *не-суверенны*; либо тогда мы уходим в гегелевскую «дурную бесконечность» споров «государства ли империи» долго и неинтересно. А в цитируемой статье гражданское общество, как атрибут «суверенного государства» сводится к «национальному ядру», в чем империи категорически отказано. Значит, Россия или США, да и КНР, никогда не увидят «прелестей» гражданской жизни. Но только так ли это? И только ли смыслы и мифы² лежат в онтологии империй?

В этом смысле XVIII в., давший нам разгромную критику подобных образований (правда, тоже аксиологическую), политически определенно отличается не только от века XX, но и XXI. Конечно, формы деспотизма вариативны, однако он неистребим, как детские заболевания в педиатрии³; это синдром, а значит, диагноз политики во все времена и у всех народов. Поэтому тирания Афинской республики, древневосточные государственные образования Кира или Ашшурбанапала; Византия или политическое образование Карла Великого значительно отличаются от «новообразований» Петра Великого или «гегемонизма» США конца XX – начала XXI в. А тоталитарные режимы Сталина и Гитлера – от Священной Римской Империи германской нации? Необходимы учеты современных цивилизационных реалий, лишённые идеологических предвзятостей. Для этого определим исторический дискурс понятий империи с учетом своего понимания их как формы **территориального структурирования политического пространства и организации политической власти современной цивилизации и формы ее политического устройства/правления. Значит, необходим редукционистский подход в выявлении атрибутов имперских государств.**

Согласно историографической и этимологической традиции, империи (лат. *imperium* – имеющий власть, могущественный) первоначально означали высшую политическую власть в Древнем Риме, а также государство (абсолютное), возглавляемое монархом, имеющим титул императора. Во времена Августа и Антония легионеры называли всех людей императорами, которые ими командовали (I в. до н.э.). «Он был ни какой не царь, не глава правительства, он был командир войска, император» [3, с. 301]. Со временем концепция императорской власти трансформировалась в понятие единой державной власти, которая в византийско-российской «транскрипции» преобразовалась в классическое понимание империи.

С точки зрения нашей концепции, само содержание концепта «имперских государств» со временем не меняется, однако изменяются его формы. При этом вопрос о легитимации/легитимизации имперских государственных образований/форм вообще должен быть снят с научного рассмотрения, как вопрос о «существовании кванта» в современной физике. При этом думать, что ты – «империя» и быть «империей» – не одно и то же.

Достаточно посмотреть на современный мир. По-преимуществу, империей в исследовательской литературе обозначается крупное государственное образование, объединяющее несколько стран и народов вокруг единого политического центра под эгидой универсальной идеи цивилизационного, религиозного, идеологического/аксиологического, иногда – экономического характера. Империя – одна из первых форм **государственной/политической** организации общества, не утратившая актуальности и в современном мире. Причем, смешение в исследовательской литературе понятий «империя» и «цивилизация» отнюдь не случайны.

¹ Столь же наивно и бесперспективно присваивать СНГ статус «возрождающейся советской империи».

² Один из них – о существовании некой «империи Запада/латинской империи». С нашей точки зрения, Запад, как и Восток, как и Евразия, – суть понятия, более географические/геополитические, нежели сугубо научные. А в собственном смысле слова Латинская Империя существовала чуть более 40 лет как квазигосударство на обломках Византийской Империи в начале XIII в.

³ Споры о том, когда он закончится, сродни спорам, когда исчезнет Вселенная: через 4, 5 или 6 млрд лет. А кто его знает?

С точки зрения наблюдателя – жителя классической империи античности изнутри нее очевидно, что существует мир упорядоченного – мир империи (*orbis terrarum imperii*) и окружающий его мир хаоса (*barbarian libertas*), варварского своевластия, который нужно подчинить и преобразовать и который ему непонятен. А существовали ли при Римской Империи классического периода протоформы гражданского общества (например, «римское право»)?

Можно наблюдать в истории изменение форм доминирования при сохранении принципа «центр и его периферия (сфера влияния)» и характер их взаимодействия.

Классифицируя империи¹, можно выделить древние империи – Египетскую, Персидскую, Римскую и т.д., находившиеся под абсолютной, часто теократической властью одного государя – монарха. Кроме того, существовали колониальные империи «Нового времени» – Британская, Испанская, Португальская, Голландская, Французская, явившиеся результатом военно-экономической экспансии стран Европы в различных регионах планеты. Эти империи строились вокруг государственного центра – метрополии и, как правило, имели жёстко централизованное управление. «Традиционные» империи (Византийская, Российская, Германская, Австро-Венгерская, Японская, Османская и т.д.) представляли собой многоуровневые государственные комплексы, скреплённые идеологическим центром, едиными вооружёнными силами и экономическим пространством. Кроме того, по структуре основных коммуникаций следует определить «консолидированные» (континентальные) и «неконсолидированные» (морские/океанические – талассократии) империи. Первые имеют сухопутные коммуникации центра со всеми составными частями государства, вторые – только морские (или океанические) коммуникации.

Надо отметить, что почти все империи (в первую очередь «традиционные») отличались культурным многообразием. «Государство-нация», имеющее монокультурный и моноэтнический характер, скреплённое только административно-юридическим единством, редко приобретает статус империи. В культурном и этническом плане империя – всегда коалиция и сообщество, представляет монолит в политическом контексте. К середине 60-х г.г. XX в. почти все «традиционные» и колониальные империи прекратили свое существование или принципиально изменили свой характер. В конце XX столетия в условиях глобализации политических процессов термин «империя» вновь несколько изменил своё значение². В настоящее время империей целесообразно считать великую державу и её «сферу влияния» – политического, идеологического, экономического, военного или культурного. «Влияние» (преобладание) в разных сферах общественной жизни потеснило (хотя и не заменило) непосредственно военное давление. В данном контексте такие государства, как США и Китай, следует определять типичными империями «постиндустриальной эпохи».

Но все же в последнее время появились работы, претендующие на выход за традиционные/неаксиологические рамки анализа. К их числу можно отнести исследования А. Дуги-на, Л. Гагаговой, С. Каспэ, А. Филиппова, Л. Казаряна, В. Махнача и др. Наряду с утомительной для научного анализа западным дискурсом темы «распада империй», под коей кроется ангажированный восторг по поводу «гибели СССР», здесь уже содержатся попытки определения «позитивного» смысла империй. При всем том, однако, в отечественной литературе феномен империй продолжает в большинстве случаев рассматриваться с позиций принципов аксиологии и долженствования. С этой точки зрения об имперских государствах можно сказать только то, что они образованы насильственным путем, а их существование в режиме взаимодействия «центр – периферия» основано на жесткопринудительном характере взаимоотношений.

Многие исследователи обоснованно определяют империю, не используя термин «государство»: «сложносоставное политическое сообщество, инкорпорировавшее в себя малые

¹ Что, впрочем, не является предметом нашего анализа.

² По мнению автора в современной цивилизации налично некая последовательность: «глобальные ценности и нормы» – «глобализирующийся мир» – «глобальные/мировые государства» – «глобальные гражданские сообщества».

политические единицы»; «полития, связывающая вместе различные в прошлом независимые государства либо создающая государства, ранее не существовавшие» [4].

Социологическое определение империи принадлежит А.Филиппову: «Смысл (и реальность осуществления) большого политического пространства, соположенный смыслу неполитических действий и коммуникаций» [5, с. 99]. Второе вышло из-под пера С.И. Каспр: «Имперские системы представляют собой форму разрешения конфликтных напряжений, возникающих при столкновении (в конкретном геополитическом пространстве) универсалистских ориентаций с изначально дисгармоничным разнообразием этнических культур» [6, с. 35].

Как отмечено в классическом словаре Брокгауза и Эфрона [7, с. 12–13], «*imperium*» «у римлян означала высшую государственную власть, принадлежащую народу и проявлявшую эту власть на выборах, в законодательстве, в верховном суде, решении вопросов войны и мира». Т.е. империя была не просто разновидностью государственной власти, но некоей чрезвычайной её ипостасью. При этом разные чиновники получали разный уровень полномочий: претор – гражданскую империю, консул – военную. От этого шло отличие большой империи (*mainus imperii*) от меньшей (*minus imperii*). Высшую степень (*summum imperii*) получал лишь диктатор. После республики империю в Риме как власть автоматически получал глава государства. Изначально же *imperium* давалась путём выборов в Сенате (т.е. демократической процедуры) или особым законом.

В Советской исторической энциклопедии данный термин прописан в двух вариациях. Во-первых, как «организация колониального господства отдельных буржуазных стран», т.е. через пространственно-экономическую характеристику. Во-вторых, как «наименование монархического государства, главой которого является император», т.е. через властные функции [8, с. 823].

Существуют пять классических признаков империи, принадлежащих А. Шопар-Ле-Бра:

1. Территория империи должна быть существенно больше, чем средняя для данной эпохи и данного региона территория государства.
2. Империя всегда этнически неоднородна.
3. Империя имеет относительно большую продолжительность существования.
4. Власть в империи монолитна и находится в руках одного лица или одной партии.
5. Империи свойственно стремление к неограниченной гегемонии [6, с. 33].

По мнению Л. Гагаевой, системными признаками империи являются:

Во-первых, сакральный характер власти, обычно осуществляемой без посредничества промежуточных – между правителем и народом – органов и учреждений.

Во-вторых, экспансия как неизменная интенция и как *modus vivendi*, и её следствие – размеры, масштабы территории (при этом ядро государства может быть совсем небольшим, приращение обеспечит экспансия).

В-третьих, наличие центра и периферии, окраин, провинций либо метрополии и колоний.

В-четвёртых, полиэтничность и доминирующий (над всеми остальными, отнюдь не всегда численно) этнос или группа этносов.

В-пятых, общая идеология (ею может быть религия, не обязательно исповедуемая большинством населения).

В-шестых, претензии на мировое значение, а то и на мировое господство.

Признаки империй у Г. Кнабе таковы:

1. Возникновение в результате военного покорения и/или экономического или политического подчинения одним народом других.
2. Включение покорённых (подчинённых) народов и территорий в государственную структуру, единую с народом, вокруг которого и под чьей эгидой эта структура образуется.
3. Иерархичный принцип организации возникшей таким образом структуры – дифференциация её населения с точки зрения права, гражданства, доступа к военной добыче,

льготам и преимуществам, направленная на достижение основной цели всякой империи – извлечение выгод для народа, её создавшего, за счёт народов, в неё включённых.

4. Большая роль армии, вообще военного элемента, с одной стороны, обусловленная необходимостью обеспечить осуществление обозначенной выше основной цели империи, а с другой – создающая особую эстетику, особый идеологический имидж имперской государственности.

5. Этническая, национальная, историческая разнородность составных частей империи в сочетании с иерархическим принципом и с эстетизацией военного господства обычно вызывает обострение национальных чувств, а в тенденции – придание им агрессивного или индикативного характера, развитие комплексов национальной неполноценности или, напротив того, национального величия и исключительности.

6. Тяготение империи к личной власти, завершение иерархии, образующей как бы пирамиду с венчающим эту пирамиду Правителем, который воплощает в их взаимодействии военную власть и сакрально-идеологическую санкцию иерархического, но так же и правового бытия империи [9, с. 75].

Таковы наиболее существенные признаки империи в трёх разных редакциях. Много сходного, но у каждого автора есть нечто своё. Так, очень важный фактор милитаризации подчеркнул Г. Кнабе; Шопар-Ле-Бра ввёл элемент темпоральности; Гагагова подчёркивает элемент идеологии. Мы же хотим выделить некие существенные, необходимые и неотъемлемые признаки (суть – атрибуты). Это и есть редукционизм (в логическом понимании «бритвы» У. Оккама).

Литература

1. Бляхер Л.Е. Возможен ли постимперский проект: от взаимных претензий к общему будущему // Полития. 2008. № 1(48). С. 6–16.
2. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. – 440 с.
3. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 2007. – 544 с.
4. Каспэ С.И. Десять вопросов к империи Запада // Космополис. № 4 (6). Зима. 2003/2004. – С. 99–104.
5. Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи // Вопросы социологии. 1992. № 1. – С. 89–120.
6. Каспэ С.И. Империи: генезис, структура, функции // Полис. 1997. № 5. – С. 31–48.
7. Энциклопедический словарь Брокгауза – Эфрона. – М.: «Терра», 1991. Т. 25 / Император. – 480 с.
8. Империя // Советская Историческая Энциклопедия в 16 тт. Т. 5. М., 1964. – 960 с.
9. Закат империй / Семинар // Восток. 1991. № 4. – С. 74–89.

Domanov Valery Georgiyevich, Ph.D in political sciences, professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science of Institute of philosophy and socio-political sciences, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: doman-off@mail.ru

Artyukhin Oleg Aleksandrovich, candidate of political sciences, docent of the Department of political science and ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. (70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: oart@uriu.ranepa.ru

POLITICAL NEOEMPIRE STYLE: CHOICE OF RUSSIA OR GEOPOLITICAL SATELLITIZM. Part I

Abstract

The empire is destiny. Historical and politological discourse of a concept of the empire is considered. Various points of view of a phenomenon of the empire are analyzed. The special attention is paid to application of the principle of a reductionism for the description of concept of the empire.

The concept of empires with emphasis on application of the principle of a reductionism is described.

Keywords: *Reductionism, satellitism, state, vogue, absurdity.*

References

1. Bljaher L.E. Vozmozhen li postimperskij proekt: ot vzaimnyh pretenzij k obshhemu budushhemu // Politija. 2008. № 1(48). S. 6–16.
2. Hardt M., Negri A. Imperija. M., 2004. – 440 s.
3. Gumilev L.N. Konec i vnov' nachalo. M., 2007. – 544 s.
4. Kaspje S.I. Desjat' voprosov k imperii Zapada // Kosmopolis. № 4 (6). Zima. 2003/2004. – S. 99–104.
5. Filippov A.F. Nabljudatel' imperii // Voprosy sociologii. 1992. № 1. – S. 89–120.
6. Kaspje S.I. Imperii: genezis, struktura, funkcii // Polis. 1997. № 5. – S. 31–48.
7. Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauz – Jefrona. – M.: «Terra», 1991. T. 25 / Imperator. – 480 s.
8. Imperija // Sovetskaja Istoricheskaja Jenciklopedija v16 tt. T. 5. M., 1964. – 960 s.
9. Zakat imperij / Seminar // Vostok. 1991. № 4. – S. 74–89.

УДК 321

ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Кузина Светлана Ивановна доктор политических наук, профессор кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70).
E-mail: svivk@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена процессам самоидентификации российской интеллигенции, проблемам взаимоотношений интеллигенции, власти и общества, роли интеллигенции в принятии политических решений в российской истории.

Ключевые слова: интеллигенция, идентичность, интеллектуал, политические решения.

Состояние статусной и онтологической неопределенности, в котором находится в настоящее время интеллектуальное профессиональное сообщество российского государства, можно объяснить в том числе усиливающейся турбулентностью общественной жизни страны. Непоследовательность, непрофессионализм, нелогичность некоторых идейных, политических, экономических решений органов власти неизменно отражаются на развитии и существовании социума и отнюдь не свидетельствуют о наличии выверенной стратегии развития государства.

Дискуссии об определении роли и места интеллектуальных сил в политическом управлении государством, роли интеллигенции в исторической судьбе страны, ее социальной ответственности, о взаимоотношениях интеллигенции и власти, интеллигенции и народа ведутся уже не первое столетие, но так и не потеряли для России своей остроты и болезненности. Стало закономерностью, что интеллектуальное, научное сообщество предлагает государству различные варианты осмысления действительности и модели развития. На основе предлагаемых моделей принимается какое-то политическое решение, но если оно не получает успешного развития, виноватыми оказываются разработчики интеллектуального проекта. При этом в самой интеллектуальной среде обнаруживаются наиболее ярые критики нереализованной идеи, что тоже, в общем-то, привычное дело.